

УДК 351.858

Т. В. ЕПРЕМЯН,

кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы
Брянского государственного университета;
Россия, г. Брянск.
e-mail: epremyan@yandex.ru

С. А. ШИЛИНА,

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и социальной работы
Брянского государственного университета;
Россия, г. Брянск.
e-mail: supershili2012@yandex.ru

МАТРИЦА ПРЕССЫ В УНИВЕРСУМЕ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Статья представляет собой рецензию на монографию Петра Николаевича Киричека, посвященную изучению многосложного и многогранного явления — духовной культуры с позиций социальных ее интенций в адрес людской мегаобщности¹. Будучи социальным культурологом, автор с нового ракурса характеризует известные мегасвойства духовной культуры — динамику, статику, диффузию. Особый интерес для научного дискурса представляет теоретически сконструированный в монографии симбиоз двух феноменов — духовной культуры и социальной информации в специфическом взаимодействии их сущностей и функций. Проведенная автором экстраполяция матрицы прессы на матрицу духовной культуры позволяет выявить новые моменты в структурно-функциональном механизме журналистской деятельности с целью его совершенствования в современных условиях, а также повышения качества массового артефакта — медийного текста.*

Книга имеет теоретическую и практическую значимость для широкого круга читателей и специалистов — социологов, журналистов, культурологов, философов, политологов, психологов, управленцев. Материалы монографии могут использоваться в вузовском учебном процессе по специальностям «Социология», «Журналистика», «Культурология», «Реклама и связи с общественностью».

Ключевые слова: *духовная культура, социальная информация, артефакт, журналистика, мегасвойства, ракурс, матрица, пресса, медиатекст.*

¹ Киричек П. Н. Социальные интенции духовной культуры: монография. Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2024.

T. V. YEPREMYAN,

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer at the Department of Sociology and Social Work,
Bryansk State University;
Bryansk, Russia.
e-mail: epremyan@yandex.ru

S. A. SHILINA,

Doctor of Sociology,
Professor of the Department of Sociology and Social Work,
Bryansk State University;
Bryansk, Russia.
e-mail: supershili2012@yandex.ru

THE PRESS MATRIX IN THE CULTURAL UNIVERSE

Abstract. *This review examines Pyotr Nikolaevich Kirichek's monograph, dedicated to the study of the complex and multifaceted phenomenon of spiritual culture from the perspective of its social intentions for the human mega-community. As a social culturologist, the author of this book provides an innovative perspective on the well-known mega-properties of spiritual culture — dynamics, statics, and diffusion. Of particular interest for scholarly discourse is the theoretically constructed symbiosis of two phenomena — spiritual culture and social information — in the specific interaction of their essences and functions. The author's extrapolation of the press matrix to the matrix of spiritual culture allows us to identify new aspects of the structural and functional mechanism of journalistic activity, with the goal of improving it in modern conditions, as well as enhancing the quality of its mass artifact — media text.*

The book has theoretical and practical significance for a wide range of readers and specialists — sociologists, journalists, cultural scientists, philosophers, political scientists, psychologists, and managers. The monograph's materials can be used in university curricula in the fields of "Sociology", "Journalism", "Cultural studies", and "Advertising" and public relations.

Keywords: *spiritual culture, social information, artifact, journalism, mega-properties, perspective, matrix, press, media text.*

То, что культура, как материальная, так и духовная, является многомерной и глубоко изученной к сегодняшнему дню сферой человеческого бытия, знает каждый гуманитарий, будь то профессионал или любитель. И конечно, может на первый взгляд показаться, что предметно заявить в культурологическом секторе гуманитарного знания что-либо новое и нетривиальное уже практически невозможно. Однако представленная на рецензирование монография опровергает данное предположение: оказывается, научный — теоретический и прикладной — лимит на весомые ноу-хау в структурно-функциональном осмыслении феномена культуры в духовном ее измерении является далеко не исчерпанным.

Первый обновленческий ряд касается умелой корректировки связанных с культурой понятий, терминов и категорий высшего порядка, например ее сущности и предназначения в обществе. Не удовлетворяясь уже введенными в научный оборот определениями культуры, автор предлагает свою дефиницию, претендующую на большую, чем высказанную прежде, полноту контента: «Культура — это метасистемный процесс и результат повседневной творческой деятельности человека как включенного в социальную общность индивида по артефактному преобразованию окружающей природы, собственной личности и общественной среды в глобальном и локальном масштабе на основе непрерывной генерации и реализации гуманистических (этико-эстетических) смыслов»².

Конечно, по части лапидарности как имманентного свойства понятийного аппарата предложенное определение вряд ли избежит придирчивого замечания, зато оно сторицей окупает этот недостаток приумножающим сущность определяемого предмета (явления) полифонизмом: в диалектико-метафизический его круг вмещаются объект и предмет, миссия и функции, цели и средства, динамика и статика, абстрактность и конкретность, системность и элементность феномена культуры. И, главное, приведенное определение не только называет, но и с четкой конкретностью уточняет смыслообразующий и смыслореализующий потенциал ее родоначальника — человека-индивида как представителя социальной общности, занятой креативной (материальной и духовной) деятельностью.

Здесь обнаруживается авторский почерк, проявлявшийся и в прежних работах ученого: умение высмотреть те особенности изучаемого предмета (явления), которые ранее не добирали должного объема внимания со стороны исследователей. И далее — отыскать новые грани в ставших привычными для научного дискурса понятиях, терминах, категориях и обозначить такой ракурс определяемого предмета (явления), который пролонгирует глубину его понимания или высветит с неожиданной стороны. Такой метод, к примеру, позволил автору при анализе речевой практики духовной культуры социума сформулировать инновационное определение свободы слова, отмеченное фирменным знаком все того же полифонизма: «Свобода слова — это универсальная (политическая, экономическая, культурная, нравственная, психологическая, технологическая) возможность любого гражданина (и корпорации граждан) производить, распространять, потреблять информацию, отвечающую материальным и духовным интересам индивида, группы, слоя, класса, общества в целях их самосохранения и развития»³.

Естественно, это определение, как и любое другое научное, имеет заявленный смысл в границах номинальности, прямо диктующей этико-правовые нормы информационного поведения общества (граждан) и прессы (журналистов) по отношению друг к другу. Но, как известно, возможность может как стать, так и не стать действительностью. В сегодняшней реально-

² Киричек П. Н. Социальные интенции духовной культуры. С. 15.

³ Там же. С. 227.

сти, а именно: в алогичных для традиционного общества рыночных условиях существования этико-правовая нормативность свободы слова становится условной вещью. Тут во многих случаях номинальная обязательность свободы слова корректируется в явно утилитарном плане отнюдь не духовными, а профитными соображениями производителя (распространителя) социально значимой информации.

В монографии ясно просматривается своеобразная интеллектуальная ось, вокруг которой приходит в движение весь обширный массив использованных для социологического анализа фактов, событий, явлений культурного свойства и высказанных по их поводу авторских мыслей, суждений, выводов. Эта ось конфигурируется в самом начале работы в качестве ведущего тезиса о главенствующем влиянии духовной культуры на общественный прогресс, поставленного было под сомнение обретшими в смутное время верховную власть либерально-рыночными реформаторами в процессе насаждаемого ими в повседневную жизнь страны заимствованного извне экономикоцентрического фундаментализма: «Это аксиома: культуры никогда не бывает в избытке — чем больше вбрасывается в общественную жизнь высоких смыслов, помноженных на общепризнанные ценности (в периметре «добро — истина — красота»), тем лучше для социума в контексте прогрессивных его изменений»⁴. Из такой заявки проистекает вектор дальнейших рассуждений, к ней автор монографии постоянно возвращается на протяжении всего исследования и приводит все новые аргументы в пользу высказанного положения.

Понятно, что для научного дискурса наибольший интерес представляют авторские трактовки достаточно тонкой и деликатной взаимосвязи общей культуры с профессиональной журналистикой, в пределах которой также наблюдается дефицит первой, а именно: сознательного отношения служителя прессы к общественному долгу, высокого этико-эстетического уровня медийного продукта с точки зрения глубокой и оригинальной мысли, меткого и взвешенного слова, удачного и интересного кадра. Можно сказать и больше: на раннем этапе рыночных реформ, то есть в лихие 1990-е, вся отечественная пресса, за небольшим исключением, заразилась бациллами профессионального (поведенческого, семантического, стилистического) бескультурия, от которого она с трудом избавляется по сию пору. Этот рецидив то и дело проявляется в сегодняшней прессе, что автор иллюстрирует названиями публикаций из центральных газет: «Суд запретил петуху кукарекать», «Заголовком по мозгам», «Мой мужчина меня ревнует, но раздеваться не запрещает!», «Правда ли, женщины глупее мужчин?», «Чужая грудь не понадобилась»⁵.

Что касается исходной рефлексии вокруг социально-природной связки «культура ↔ пресса», то здесь автор и убедителен, и категоричен в заявленном на этот счет тезисе, где утверждается обязательность социокультурного корневого начала для любого, в том числе журналистского, вида инфор-

⁴ Киричек П. Н. Указ. соч. С. 18.

⁵ Там же. С. 217.

мации, барражирующего в общественном пространстве: «Вездесущность культуры, определяющей качество повседневной жизни человека, задает аксиологический императив информационной сфере жизнедеятельности общества. И речь здесь идет, в первую очередь, о духовной культуре и социальной информации: они находятся в столь тесной взаимосвязи, что порой напоминают сиамских близнецов. Духовная культура востребует и адсорбирует потоки социальной информации. Социальная информация расширяет и углубляет поле духовной культуры. Духовная культура индуцирует и «аксиологизирует» энергетику социальной информации. Социальная информация динамизирует и версифицирует интенции духовной культуры»⁶.

В этом гуманитарно-теоретическом перекрестье сводятся воедино две формы социальной практики — культурно-прикладная и информационно-вещательная. В непрерывном потоке порождаемых ими духовных продуктов нуждается современная людская мегаобщность, прежде всего, в целях самосохранения и развития. И конечно, автор изменил бы своим литературным вкусам и интеллектуальным пристрастиям, если бы не использовал собственный ресурс образного мышления, весьма плодотворного по части символических аналогий, позволяющих, с одной стороны, упростить набор положений до всем понятного уровня, а с другой, украсить для вящей убедительности такой итог последовательных умозаключений образно-логической оправой: «Если прибегнуть к аллегории из школьной физики, то названную дуальную связку можно представить в виде работающего генератора, где роль неподвижного статора играет духовная культура, а роль подвижного ротора выполняет социальная информация»⁷.

Далее, складывающиеся в этом сегменте человеческой цивилизации двойственные отношения остаются принципиально неизменными в любой общественно-экономической формации, хотя они и обретают отдельные специфические черты в силу мутационного характера возникающих в конкретно-историческом социуме ведущих ее структур — базиса и надстройки. Вопреки постмодерновым постулатам, замешенным на квазисубъективных толкованиях сущностей культуры и прессы, эти отношения, несмотря на отдельные случающиеся во время общественных кризисов спонтанные аномалии, можно и нужно в социальной теории рассматривать с двух принципиальных ракурсов.

Первый ракурс: журналистика как общественная деятельность и реализующая ее функциональная структура — система прессы (печать, радио, телевидение, онлайн-издания) с работающими в ней специалистами — являются составной частью универсума культуры. Само появление на свет журналистики как духовно-практического явления стало результатом всего предыдущего социокультурного прогресса человеческой цивилизации, реально осознавшей настоятельную потребность в константном источнике необходимой для самосохранения и развития общества разносторонней

⁶ Киричек П. Н. Указ. соч. С. 157.

⁷ Там же.

информации, а также в наличии специалистов для регулярного ее производства и распространения в массовом масштабе. В такой связке культуру можно считать мегаявлением (категорией «общее»), а журналистику в этом пределе — макси-явлением (категорией «особенное»).

Второй ракурс: журналистика выступает не пассивным элементом культуры, а деятельным ее актором, так как при выпуске образцов массовой информации эффективно использует функциональные ресурсы культуры, постоянно пополняет ее контент и совершенствует формат, публично транслирует ее этико-эстетические достижения: «Эта деятельность прессы как культурного субъекта носит многовекторный характер. Первый вектор — работа с ретроспективой культуры: охрана артефактов прошлого и их межпоколенный трансфер; второй вектор — работа с транспективой культуры: экспертиза артефактов настоящего и их определение в шкалу ценностей; третий вектор — работа с перспективой культуры: поиск артефактов будущего и примерная характеристика их признаков в знаках и символах»⁸.

Сделанная автором экстраполяция сущности и свойств культуры (от общего) на сущность и свойства прессы (к частному) порождает любопытные для научного дискурса результаты, позволяющие предметно дополнить уже наработанный учеными-гуманитариями эвристический потенциал. Как известно, феномен культуры обладает тремя мегасвойствами — динамикой, статикой, диффузией, которые представляют «тело» культуры в двойственном (диалектическом и метафизическом) измерении. Активно использующая арсенал духовной культуры журналистика в пределах своего основного местобития — социального пространства и времени — фактически дублирует те же мегасвойства, но только с добавлением именной структурно-функциональной специфики.

Во-первых, в согласии с динамикой культуры последняя являет собой диалектический (переменный) созидательный процесс, который находится в непрерывном движении и поступательном развитии от одной стадии общества к другой (в жизни отдельного человека — от менее к более истинному, доброму, красивому началу). Ориентир в этой динамике, по мнению А. Моля, «от культуры „живой“ (в настоящем) к культуре „освоенной“ (в прошлом)»⁹. И что же иное, как не динамику, или вечное движение (физическое, психическое, нейрохимическое) от замысла публикации, сбора и обработки материала, литературного оформления до его выхода в свет, может представлять собой журналистика?! Не случайно в 1950–1970-е годы цеховым гимном для отечественных журналистов служила весьма популярная песня со словами: «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете».

Правда, автор отмечает, что за десятилетия, прошедшие с момента появления шлагера, повседневный труд журналиста изменился кардинальным образом — теперь служителю пера, камеры, микрофона, компьютера уже

⁸ Киричек П. Н. Указ. соч. С. 183.

⁹ Моль А. Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 53.

не приходится совершать длительные переходы и тем более лишать себя сна в поисках нужных фактов и сведений: «Этому как нельзя лучше способствует круглосуточный режим работы Всемирной паутины и технические возможности всеобщей компьютеризации жизнедеятельности социума. Тем не менее диалектическая формула: движется пресса, значит движется и общество (и наоборот) — в абсолюте не подлежит сомнению. Напротив, сидение на месте, в прямом и фигуральном смысле, грозит журналистике профессиональной смертью, а обществу — духовно-культурным (интеллектуально-эмоциональным) застоем»¹⁰.

Во-вторых, в согласии со статикой культуры последняя являет собой метафизическую (устоявшуюся) сумму результатов (артефактов), достигнутых ее продуктивной динамикой в материальной и духовной сферах бытия социальной общности или конкретного индивида, заинтересованного в реальном улучшении качества своей повседневной жизни. По сути, статика выражает прерывистость динамики в точках ее кристаллизации культурными продуктами материального (здания, машины, инструменты, технологии, услуги) и духовного (знания, ценности, проекты) характера. Это как состояние физического покоя, всегда сопутствующее всякого рода движению материи, в том числе в рамках социальной ее формы. Для журналистики статика также является имманентным свойством: с одной стороны, она материализуется в учрежденных структурах (редакциях газет, телеканалах, радиостанциях, сетевых сайтах и цифровых блогах с их кадрами и ресурсами), регулярно отправляющих медийные функции — производство и распространение социальной информации — и непрерывно контактирующих с массовой аудиторией; с другой стороны, статика опредмечивается в произведенных на медиаконвейере массивах духовно-практической продукции (мегамедиатекстах) самого широкого потребления, помогающих большинству людей оптимизировать труд, улучшать быт, разнообразить досуг, то есть делать жизнь общности и человека более культурной и комфортной.

В-третьих, в согласии с диффузией культуры последняя являет собой конгломерат распространяющейся по различным направлениям ценностной ауры (пространственности), в которой отдельные подсистемы, образцы, элементы, по утверждению А. Я. Флиера, «оказываются востребованными, заимствуемыми сообществами, ранее подобными формами не владевшими»¹¹. Для журналистики как деятельности это мегасвойство проявляется в набирающем сейчас силу процессе стирания четких границ между ее печатным, электронным и сетевым профилями. В настоящее время установившееся в течение последних столетий привычное профессионально-технологическое разделение медийного труда приобретает условный характер, основные его формы часто перетекают друг в друга и нередко стремятся к частичному или полному взаимному замещению. Под давлением новых медийных обстоятельств, по наблюдению автора, «журналист превращается в многостаночника, понуждаемого готовить один и тот же материал

¹⁰ Киричек П. Н. Указ. соч. С. 183.

¹¹ Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: Согласие, 2010. С. 395.

для печати, радио, телевидения, интернета, совмещать в его тексте самые разные элементы — слово, цифру, звук, кадр — и отправлять на сайт своего издания»¹².

Наконец, итоговый прием авторского наложения матрицы культуры на матрицу прессы выходит на конечный симбиозный результат. В культуре это артефакт — любой, отвечающий критериям истины, добра и красоты предмет или явление искусственного, а не природного происхождения: например, материальный продукт, техническое изобретение, социальная структура, общественный институт, поведенческий акт, информационное сообщение, оценочное суждение, изданная книга, снятый кинофильм, сочиненная опера, поставленный спектакль и др. В этом ряду находится и медийный текст, получающий маркер артефакта по причине своего появлением на свет путем креативного процесса в контексте духовной культуры, а также целевого продвижения по каналам массовой коммуникации в бытие и сознание людской мегаобщности.

В предложенном в монографии определении, сформулированном, как обычно, с уклоном в полифонизм, «медийный текст (медиатекст) является опредмеченным результатом познания (преобразования) социальной реальности, оформленным в вербальных, визуальных, цифровых знаках (символах)»¹³. В медиатекстуальный ряд входят, к примеру, газетный или журнальный номер, радионная передача, телевизионная программа, сетевой блог и др. И каждый из этих артефактов должен излучать духовно-культурную ауру, соответствующую триаде истины, добра, красоты. Попутно автор настаивает на замене в рамках теории прессы традиционного термина «журналистское произведение» на обобщенный аналог «медийный текст (медиатекст)» как более удобное ходовое понятие. От первого в медиалогии лучше вообще отказаться: оно по произношению громоздкое и по объему значительное, если именовать им крупный жанр — условно, статью, очерк, фельетон, то соразмерность еще соблюдается, но в приложении к 10-строчной заметке, проходному отчету, короткому репортажу выходит неадекватно, с явным смысловым перебором. К тому же это понятие вторичное, заимствованное из литературоведения (с механической заменой прилагательного), так что разумнее использовать понятие непосредственно из журналистики, более краткое и современное.

Теперь о качестве того, чем, используя авторский образ, заряжается постоянно работающий для общества генератор «культура ↔ пресса», то есть, что аккумулируется в его «статоре» и что циркулируется в его «роторе». Изначально культура в смысле намечаемых целей и применяемых средств подразумевает позитивный для природы, общества и человека вектор развития — сохранять среду обитания, гуманизировать социальные отношения, снабжать людей материальными и духовными артефактами и тем самым оптимизировать их труд, быт, досуг. К сожалению, отмечает автор, подобно тому, как свету вечно сопутствует тень, так и культуру всегда

¹² Киричек П. Н. Указ. соч. С. 184.

¹³ Там же.

сопровождает антикультура. Значит, по логике следует под антикультурой подразумевать сотворенные людьми предметы, действия, поступки в асоциальных по замыслам процессах и с «некультурными» по сути результатами, которые не выдерживают проверки по критериям истины, добра и красоты, на чем настаивали еще античные мудрецы.

Если говорить о российской журналистике как составной части отечественной культуры, то, как замечает автор, «на переходе из медийного режима в медийный рынок в ее суммарном артефакте (мегамедиатексте) пропорция „культура — антикультура“ заметно сместилась в пользу второй составляющей. Прежде всего, нынешняя (в основном либеральная) пресса долгое время пренебрегала системной работой с ретроспективной культуры — охранять с помощью целенаправленной массовой информации артефакты прошлого и осуществлять их межпоколенный трансфер»¹⁴. Наоборот, весь наш прежний образ жизни и его культурный компонент один из лучших в мире — литература, театр, кинематограф — отрицались как «совковая архаика». С напористым нигилизмом и агрессивной предубежденностью отвергались социокультурные традиции отечественной классической журналистики. Даже творческое наследие известных журналистов 1960–1980-х гг.: Анатолия Аграновского, Татьяны Тэсс, Юрия Черниченко, Василия Пескова и других считали бесполезным для сегодняшней прессы.

Спору нет, медийный рынок журналистике в плане прогресса многое дал, но еще больше он у нее отнял. Искусственно созданный в публичной сфере конфликт классических традиций и модернистских новаций привел к сползанию отечественной прессы по лестнице духовной культуры (значимых темы, сюжета, понятия, образа, слова, кадра) в подвал антикультуры, где правил бал «чернушный» (одномерный) подход к отражению многостороннего бытия. Теперь из этого подвала надо поскорее выбираться и присущие ему поведенческий произвол и семантико-стилистическую «вольницу» решительно заменять позитивными их антиподами, рожденными классической медийной практикой, которая отвечала бы критериям высокой духовной культуры.

Есть две достойные для прессы цели, производные от ее гуманистической миссии: аккумуляция в обществе добра и аннигиляция зла. Им и нужно следовать каждый день. Этот практический совет сегодняшним журналистам автор адресует не в первый раз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киричек П. Н. Социальные интенции духовной культуры. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2024.
2. Моль А. Социодинамика культуры. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
3. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М. : Согласие, 2010.

Поступила в редакцию 13 января 2026 г.;

одобрена после рецензирования 16 января 2026 г.;

принята к публикации 20 января 2026 г.

¹⁴ Киричек П. Н. Социальные интенции духовной культуры. С. 185.